

От редакционной коллегии

В серии «Доклады и сообщения», издаваемой Санкт-Петербургским институтом истории Российской академии наук, вниманию читателя предлагается публикация выступлений на трех заседаниях Ученых советов Института в 2013–2014 годах, посвященных истории Института и его сотрудникам.

Открывает публикацию доклад В. Г. Вовиной-Лебедевой, сделанный на заседании Ученого совета 21 мая 2013 года, о предыстории и первых годах Ленинградского отделения института истории СССР и его сотрудниках предвоенных лет: Н. Ф. Лаврове, Г. Л. Гейермансе, а также о В. Г. Геймане, чья деятельность в Институте продлилась до 1951 года.

Целая группа докладов и сообщений была заслушана на заседании Ученого совета 19 марта 2013 года, посвященного 100-летию со дня рождения А. Г. Манькова, проработавшего в Институте без малого полвека — с 1948 по 1997 год. Об основных направлениях научной деятельности А. Г. Манькова рассказала З. В. Дмитриева. Темой доклада З. А. Тимошенко стало изучение взглядов А. Г. Манькова о крестьянстве в российском законодательстве XVII в. Два доклада были основаны на материалах личного происхождения: И. А. Чернякова проанализировала военные письма А. Г. Манькова к Т. В. Старостиной, а С. В. Яров — дневники, которые А. Г. Маньков вел в 30-е годы XX века.

Заседание Ученого совета 29 апреля 2014 года также было посвящено юбилейной дате: 125-летию со дня рождения Б. А. Романа, работавшего в Институте с 1944 по 1957 год. В настоящем издании представлены два доклада: Р. Ш. Ганелина о Б. А. Романове как историке международных отношений и В. А. Ромодановской, которая обратилась к сравнению «Людей» Б. А. Романова (на основе его книги «Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)») и «Человека» Д. С. Лихачева (на основе его монографии «Человек в литературе Древней Руси»).

В. Г. Вовина-Лебедева

Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг.

Интерес к этой теме вызван занятиями историографией летописания, которая привела меня к Н. Ф. Лаврову — сотруднику ИАИ и ЛОИИ 1930-х гг.¹, заведующему Архивом ЛОИИ и сотруднику группы феодализма.² Этот доклад является моим первым обращением к истории ЛОИИ и должен рассматриваться, скорее, как постановка проблемы, чем ее подробное исследование. Многие положения еще нуждаются в уточнении. В частности, по этой причине в тексте

¹ ИАИ — Историко-Археографический институт (1931–1936), преемник Историко-Археографической комиссии АН СССР; ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР (образовано в 1936 г., ныне — Санкт-Петербургский институт истории РАН).

² Подробнее см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* 1) Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // *Летописи и хроники. Новые исследования.* СПб., 2008. С. 209–308; 2) *Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв.* СПб., 2011. С. 498–679.

доклада инициалы сотрудников ИАИ и ЛОИИ в некоторых случаях раскрываются, в некоторых — нет.

При возникновении ЛОИИ в 1936 г. Н.Ф. Лавров возглавил группу по изданию летописей. Мне ранее казалось, что и сама группа, и проект издания летописей возник тогда как мега-проект издания всех известных к тому времени летописей, на совершенно новой основе, отличной от старого ПСРЛ («Полного собрания русских летописей»). Я полагала также, согласно тому, как об этом упомянуто в книге С.Н. Валка³, что это был проект М.Д. Приселкова. Потом оказалось, что это — совместный проект группы («бригады») по изданию летописей, которую возглавлял в составе ЛОИИ Н.Ф. Лавров, а М.Д. Приселков после освобождения из ссылки был привлечен в нее как крупнейший специалист по летописанию. Однако позднее стало ясно и то, что идея нового ПСРЛ возникла еще до появления в 1935 г. в Ленинграде М.Д. Приселкова⁴ и до создания ЛОИИ в 1936 г. Эта работа была запланирована еще в ИАИ, и значит, это еще идея рубежа 1920-х и 1930-х гг.

Начальной истории ЛОИИ посвящена статья А. П. Купайгородской, в которой приведены данные, показывающие, как события в институте были связаны с общей политикой в отношении исторических наук.⁵ Документы ИАИ и ЛОИИ в Санкт-Петербургском филиале архива РАН⁶ позволяют понять особенности периода формирования ЛОИИ из ИАИ, состав и структуру, как старого, так и нового институтов, и то, какие там происходили изменения.

И первое впечатление, которое от обращения к этим документам возникает: это был совершенно другой институт и другой мир, отличавшийся от ЛОИИ послевоенных лет, от ЛОИИ 1950-х гг. и последующих лет. Видимо, одной из причин этого отличия

³ Валк С.Н. Советская археография. М.; Л., 1948. С. 139–141.

⁴ Лурье Я.С. Предисловие // М.Д. Приселков. История русского летописания XI — XV вв. СПб., 1996. С. 12.

⁵ Купайгородская А.П. Ленинградское отделение Института истории АН СССР. Первые годы // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 4. № 5 (1933); Ф. 133. Оп. 4 (1933). № 4; Ф. 133. Оп. 4 (1933). № 3; Ф. 133. Оп. 4 (1934). № 7; Ф. 133. Оп. 4 (1934). № 8; Ф. 133. Оп. 4. Ед. хр. 12.

была сильная связь ЛОИИ с его предшественником — ИАИ. Из ИАИ первоначально переходили в ЛОИИ не только сотрудники, но и их темы, и основное направление работ.

Сохранился первый отчет ИАИ (в заголовке которого учреждение еще именуется «бывшей Археографической Комиссией») за 1931 год.⁷ Там сказано, что <<Институт членов Археографической комиссии>> упразднен и вместо него учрежден Совет из представителей научных и общественных организаций, а сама Археографическая комиссия (далее — АК) преобразована в ИАИ.

Далее в тексте отчета заявлено, что ИАИ находится в контакте с другими учреждениями (Комакадемией, Гос. Академией истории материальной культуры, Центрархивом СССР, ВСНХ СССР, ЦК профсоюзов, и в том числе с Советом Национальностей и ЦИКами, СНК и научными учреждениями республик и областей (Карельской, Крымской, Узбекской, Таджикской, Татарской, Якутской, Коми)). Это обстоятельство — связи с национальными республиканскими центрами — представляется важным, как мы увидим, в связи с формированием задач, стоящих перед новым институтом.

В штате ИАИ в начале его существования зафиксировано 16 сотрудников штатных, 22 по договорам, 3 практиканта. Итого 41 сотрудник. От старой АК, у которой имелись различные отделения, у ИАИ сохранились, видимо, эти связи. Так, в отчете сказано, что работа велась сотрудниками института в Ленинграде и Москве, а также под руководством Института в научных учреждениях Казани, Архангельска и Чебоксар.

Из отчета по направлениям работы видно, что ИАИ продолжал проекты, которые вела уже АК. Были обозначены следующие направления:

1. История народов СССР (том по истории Казани XVI–XVII вв. напечатан; подготовлен том по истории Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, заканчивается работа по истории Коми-области (совместно с Архангельским Комвузом), работа по составлению сборника материалов по истории Якутии и Нижневолжского края (Астрахань)).⁸

⁷ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1270.

⁸ См.: Писцовые книги города Казани 1565–1568 и 1646 г. // Труды ИАИ. Т. 4. 1932 (Материалы по истории народов СССР. Вып. 2); Материалы

2. Крепостная мануфактура в России (вышли Материалы по истории Олонецких медных и железных заводов XVII в., т. III; Материалы по истории полотняной мануфактуры XVII в.; подготовлены Материалы по истории Щеголинской мануфактуры XVIII в., по истории крестьянской фабрики XVIII–XIX вв., по истории рабочих XVIII в., обработано 8.000 биографий рабочих первой половины XVIII в.; составлены карты по истории железодельной промышленности XV–XIX вв. и по Уральской железной промышленности XVIII в.,⁹ проводилось выявление материалов по истории заводов Марти и Ижорского (после постановления ЦК ВКП (б) о работе по «Истории заводов»¹⁰).
3. История торговли (том по англо-русским торговым отношениям XVI–XVII вв.).
4. История хозяйства (готовились к печати работы по истории пушного промысла в России XVII–XIX вв., по истории хлебного производства и торговли XVIII в., по истории ярмарок и торжков в XVIII в., по истории монастырского землевладения XIV–XVI вв., по истории хозяйства вотчины боярина Морозова XVII в., обследования отдаточных книг XVI – XVII вв.)¹¹

по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1 // Труды ИАИ и Института Востоковедения. Т. 6. 1932. (Материалы по истории народов СССР. Вып. 3); Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Под общ. ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Вступит. статья И.М. Троцкого // Труды ИАИ. 1936. Т. 14. (Материалы по истории народов СССР. Вып. 5).

⁹ См.: Крепостная мануфактура в России. Ч. 1 // Труды Археографической комиссии / Академия наук СССР. Т. 1. 1930 (Материалы по истории экономического развития России. Вып. 1); Крепостная мануфактура в России. Ч. 2. (Материалы по истории экономического развития России. 1931. Вып. 2); Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 // Труды Акад. наук СССР. Археогр. Комис. 1930. Т. 1; Крепостная мануфактура в России. Ч. 3 // Труды ИАИ. Т. 5 (Материалы по истории экономического развития России. Вып. 3); Крепостная мануфактура в России. Ч. 5 // Труды ИАИ. Т. 13 (Материалы по истории экономического развития России. Вып. 5).

¹⁰ См.: История заводов. Сб. М., 1932. Вып. 1.

¹¹ См.: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. 1 // Труды ИАИ. 1933. Т. 8 (Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. Вып. 1); Ч.2. Материалы по истории феодально-крепостного хозяйства. 1936. Вып. 2.

5. Изучение трудов «буржуазных» историков «со стороны издательства источников и пользования ими».¹²

Итак, традиционное направление работы АК по изданию традиционных для комиссии источников сохранилось, хотя и было поставлено последним пунктом. Но и предыдущие пункты представляли собою в основном собирание материалов (что всегда было свойственно АК) по темам, которые теперь были провозглашены первоочередными: народы СССР и социально-экономические сюжеты (исходя из марксистского положения о примате «базиса» над «надстройкой»).

Совместно с ГАИМК началось составление словаря по истории техники производства, по заданию Международного комитета Исторических наук — составление хронологических таблиц по русской истории, ежегодника по библиографии исторических наук под руководством Н. М. Лукина¹³, закончена работа «по составлению списков дипломатических агентов XVII — XX вв.».

Но в состав АК входил также богатейший архив, поэтому естественным образом ряд положений плана был связан с ним. К тому же, как раз в этот момент в архиве произошли существенные пополнения фондов: из Рукописного отделения БАН поступило собрание Воронцовых «и другие материалы»; одновременно в БАН были отданы Архангельское собрание, Рукописи Археографической комиссии, описанные Барсуковым и Сидоровым, собрание рукописей Романченко, собрание рукописей Александрo-Свирского монастыря.

Численность сотрудников ИАИ, как было указано, сравнительно небольшая. С. Г. Томсинский являлся заместителем директора, затем директором (1933–1935 гг.), Б. Д. Греков — ученым секретарем, М. И. Лилеев — зав. Библиотекой ИАИ. И. М. Троцкий значился «как старший ученый специалист», М. В. Джервис-Бродский как «старший ученый специалист, по договору постоянно». Научные сотрудники делились на разряды.¹⁴ К первому

¹² См.: Проблемы источниковедения. Сб. 1. 1933; 1936. Сб. 2 (Труды ИАИ. Т. 17).

¹³ Директор Института истории Коммунистической академии.

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1318. 1933 г. Переписка по личному составу.

разряду относились: П. А. Мухин, К. Н. Сербина, Р. Б. Мюллер, Г. Е. Кочин, А. П. Чулошников, А. Н. Васильев. Ко второму разряду: Н. В. Тимофеев, З. А. Хрящева, Рисберг, Н. Г. Павлова.

Н. П. Чулков обозначен просто как научный сотрудник. Большая группа сотрудников ИАИ значилась без обозначения «научными сотрудниками», видимо, работая по договору: Р. И. Козинцова, Н. Г. Богданова, Н. Н. Семенова, Б. Г. Плющевский, З. Н. Тимофеева, В. М. Неклюдов, И. Л. Морозов, Е. Ф. Езерская, А. С. Булгаков, В. Г. Гейман, Н. С. Чаев, В. А. Забиров, А. В. Прусак, Е. А. Каринская, Н. И. Жукович, И. В. Мешалин, Н. М. Оршер, Н. Е. Боровкова, Судаков, Бибикина и Фролов. Я. М. Притыкин и Р. П. Беркович даны в списке сотрудников без обозначения должности.

Кроме того, в институте числились машинистка, а также уборщица и курьер (в одном лице) и практикант Ю. В. Волгин, о котором было написано, что он «в том же году уехал из Ленинграда и получил расчет». Также «ввиду серьезных финансовых затруднений» из ИАИ, по данным 1931 г., были сокращены Н. П. Чулков, А. В. Прусак и машинистка.¹⁵

Членами ВКП (б) были всего 4 человека из состава сотрудников: Томсинский, Забиров, Бибикина и Фролов. Комсомольцами были 3 чел.: Семенова, Боровкова, Рисберг.¹⁶

Некоторые темы сотрудников, как видно из приведенного выше материала отчета, были связаны с историей Востока. Из перечисленных сотрудников В. А. Забиров, например, мог считаться востоковедом по образованию, т. к. окончил в 1926 г. Комвуз Трудового Востока. Многие сотрудники окончили в 1930–1932 гг. «ЛИЛИ»¹⁷ (5 чел.). Десять человек окончили ЛГУ, Греков — МГУ, Балабанов — Одесский университет.

С начала 1930-х гг. была провозглашена задача изучения «истории народов СССР». Собственно говоря, это и стало первым

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 75.

¹⁷ Так в тексте. Очевидно, речь идет о ЛГИЛИ — Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте, который с 1931 г. после включения в его состав философского факультета превратился в ЛИФЛИ — Ленинградский институт истории, философии и лингвистики (1931–1937).

и главным направлением работы ИАИ. В последующие годы существования ИАИ (до 1936 г.) на это направление было в разное время поставлено наибольшее число сотрудников. (И после образования ЛОИИ там некоторое время сохранялось то же направление в качестве основного).

С этим же по преимуществу были связаны личные планы сотрудников ИАИ. Большая часть сотрудников были заняты выявлением материалов по темам истории народов СССР и написанием предисловий к сборникам материалов. Так, Р. П. Беркович писала раздел об «Экономическом положении татарского крестьянства, буржуазии, пролетариата» — в Обзоре источников по истории Татарии XIX в.; А. П. Чулошников — значится везде как руководитель «бригады по истории Казахстана» (видимо, он считался специалистом по Востоку как автор лекций «Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен», ч. 1, изданных в Оренбурге в 1924 г.). Кроме того, А. П. Чулошников участвовал в подготовке текстов о Башкирском восстании, в написании Истории Казахстана, составлял сборник «Башкирские восстания»¹⁸, писал предисловие «к тому по истории Башкирии», делал карту к этому тому, а также библиографию к тому по истории Казахстана. И. Л. Морозов обозначен как руководитель «бригады по истории татар»; Н. С. Целин — по истории Кавказа («бригада» в лице Н. С. Целина занималась также составлением «систематической библиографии по истории Туркмении»); А. Н. Лебедев занимался описанием фондов Кавказского комитета. А. Л. Шапиро дал обязательство «работать над историей Туркмении по 3 часа в день». И. М. Троцкий обязался написать предисловие и комментарий к сборнику «Колониальная политика Московского государства в Якутии». Н. И. Богданова занималась подготовкой материалов по истории Азербайджана, Н. Н. Семенова — сборника материалов по истории Татарии, а С. Е. Писманник «производила работу с кавказскими материалами».

¹⁸ Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. (Отв. ред. А. Чулошников). М. — Л. 1936 (Труды Историко-археографического института. Т. 18; Материалы по истории народов СССР. Вып. 7. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1).

В.С. Алексеев-Попов «работал по выявлению архивных материалов» для сборника «Колониальная политика русского царизма в Абхазии (1810–1870)», Абдул Азиз Салам-заде — просмотром и редактированием восточных текстов в «бригадах по истории Азербайджана и Татарии». Г.Т. Сенохаев — выявлением материалов по истории горцев Северного Кавказа для соответствующего сборника. Н.К. Дмитриев для сборника «История башкирских восстаний» писал большую статью — характеристику татаро-башкирских текстов с точки зрения ориенталистики. Н.К. Дмитриев также редактировал башкирско-татарские тексты ко второму тому сборника «Башкирские восстания».

М.П. Вяткин должен был подготовить «статью о Казакстане 3 печ. л.», М.Н. Рожкова собирала материалы по истории Кавказа; А.Е. Кудрявцев писал статью на эти же темы; Н.Н. Семенова — статью для «обзора источников по истории Татарии»; В.А. Забиров собирал материалы по истории Татарии и о башкирском восстании; К.Г. Данилина выявляла материалы по истории Грузии; С.А. Аханов — материалы по истории Туркмении; А.В. Пруссак писала об аграрных отношениях в «обзоре источников по истории Татарии»; Я.М. Притыкин собирал материалы по Азербайджану; И.П. Петрушевский работал над сборником «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане»; Г.В. Абрамович над сборником «Колониальная политика царизма в Сибири 19 в.»; Н.С. Свиридов участвовал в этом же сборнике; А.В. Фадеев занимался отбором материалов по истории Абхазии; К.Г. Данилина должна была «выявлять в архивах материалы по истории Грузии»; П.С. Гергиевский собирал материалы по башкирскому восстанию; Н.М. Элиаш участвовала в подготовке сборника материалов «История Кавказа»; Т.А. Койбочарова выявляла тексты по истории Татарии; Ю.А. Красовский собирал материалы по истории Кавказа; Е.А. Вознесенская составляла библиографию по истории Туркмении; В.Ю. Гессен писал предисловие к работе Салам-заде «Феодалные отношения в Азербайджане». Член московской группы ИАИ К.В. Базилевич работал по тому материалам по истории Туркмении XVI — XVII вв. (25 л.), а другой член московской группы Степанченко — собирал материалы по истории Кавказа.

Такое направление работы превращало ИАИ, по сути, в институт востоковедения, поскольку большая часть запланированных работ велась по темам, связанным именно с историей восточных народов. Но это была не просто история народов Востока, а история «русского Востока», история восточных народов в составе России. Одновременно с ИАИ, такие же материалы по истории народов готовил и Институт востоковедения (ИВАН), например, материалы по истории каракалпаков, а также республиканские институты.

Другая особенность этой работы была связана со спецификой ИАИ как преемника Археографической комиссии, а значит, как учреждения по работе с текстами и источниками и их изданием. Как уже отмечалось выше, главным образом сотрудники ИАИ готовили сборники документов. Считалось, что только на основе подготовленных и изданных полных собраний материалов можно, как следующий этап, начинать писать истории народов России. Поэтому все историки — специалисты по разным периодам и странам — не только были вовлечены в собирание материалов, но и привлечены к написанию обзоров источников по народам СССР. Например, М. П. Алексеев должен был писать статью «Средневековая литература Запада как источник по истории СССР».

Наконец, еще одной отличительной чертой момента было то, что в ИАИ историей народов, в том числе восточных, занимались, в большинстве своем, авторы, не бывшие изначально специалистами по этим проблемам. Это были в основном историки России (А. Л. Шапиро, И. М. Троицкий, К. В. Базилевич и др.) или «всеобщие историки», как историк Франции Алексеев-Попов. Поэтому возникала необходимость нанимать сотрудников для переводов и транскрибирования. Так, в документах значились: З. Аксакова, которая должна была «переписать на арабском шрифте материалы истории Татарии, переведенные на русский язык», а также занималась переводами материалов о башкирском восстании; Г. Г. Галиев, назначенный на переводы с татарского на русский; А. П. Ковалевский, делавший перевод восточных текстов для «Свода арабских источников о Восточной Европе, Средней Азии и Кавказе» и комментарии к нему; С. Ш. Валеев, который занимался переводом текстов с татарского на русский язык; Н. К. Дми-

триев, который делал переводы с татарского для сборника материалов «по истории колониальной политики в Казахстане».

Впрочем, нельзя сказать, что не требовалось переводчиков с западных языков. А. Г. Вульфийус занимался переводом с комментариев «латинских текстов по истории СССР феодального периода», Е. К. Пшеницкая делала перевод с французского «донесений Костальона для тома документов по истории Дагестана», а М. А. Холодник — перевод книги Брейфа с английского на русский язык.

К работе были привлечены и те историки России, которые ранее уже были вовлечены в подготовку истории различных ее регионов и народов. Например, А. П. Чулошников еще в 1920-х гг. преподавал в Казахском университете в Оренбурге, был председателем Общества изучения Киргизского края, внештатным сотрудником ИАИ с 1930 г., (с 1936 г. старший научный сотрудник ЛОИИ, погиб в блокаду в 1941 г. от голода).

Конечно, в данную работу были включены и специалисты-востоковеды, хотя их было меньшинство. Упомянем Абдула Азиза Салам-заде — востоковеда, историка Азербайджана, аспиранта ИАИ с 1934 г. В 1935 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Феодальные отношения в первой половине XIX в. в Азербайджане». (Репрессирован в 1937 г. и в том же году расстрелян). С изданиями ИАИ был связан и Я. П. Алькор (Ян Петрович Ялькор или Яков Петрович Кошкин, уроженец Риги, из латышских революционеров) — историк Сибири, специалист по тунгусскому языку и этнографии, в 1930 г. — глава Института народов Севера и других научных подразделений, связанных с Севером. (Расстрелян в 1938 г.) Сотрудником ЛОИИ в 1936–1941 гг. являлся И. П. Петрушевский — выдающийся востоковед-арабист. (После войны — сотрудник ИВАН).

Из других авторов, занимавшихся историей народов СССР, упомянем еще Якова Максимовича (Залыма Менделевича) Прилькина, собиравшего материалы по истории Азербайджана. Он был в конце 1930-х гг. репрессирован, и о нем упоминает в одном из «лагерных» рассказов Д. Аль (Д. Н. Альшиц): «Техкабинетом заведовал очень симпатичный человек, бывший заключенный, отсидевший в Каргопольлаге восемь лет по 58-й статье, — Яков

Максимович Притыкин. В мое время он был вольнонаемным, так называемым в среде заключенных “вольняшкой”, и проживал с женой и дочерью в одном из ерцевских двухэтажных домов для сотрудников лагеря. До своего ареста Яков Максимович жил в Ленинграде, учился на истфаке университета (до моего туда поступления) и работал в Библиотеке Академии наук. У нас, естественно, было много общих знакомых, прежде всего общих учителей — профессоров истфака. Надо ли говорить, что мы с ним очень быстро подружились...».¹⁹

В результате начали успешно выходить сборники источников по истории народов СССР.²⁰ Иногда это были совместные работы с национальными институтами.²¹ Оплата работы сотрудников иногда шла из средств Туркмении, Таджикистана, Башкирии, Татарии. Самым масштабным изданием стали «Материалы по истории народов СССР», вышедшие в первой половине 1930-х гг. семью выпусками.²² Угол зрения, под которым велась эта работа, был еще типичный для эпохи — осуждение колониальной политики империи, «Россия — тюрьма народов». Некоторые сборники, запланированные еще в ИАИ, вышли из печати гораздо позднее, когда ИАИ давно уже прекратил существование, поскольку темы были подхвачены и продолжались в ЛОИИ как приемнике ИАИ.²³

¹⁹ Даниил Аль. Хорошо посидели // Нева. 2007, № 3.

²⁰ Торговля с Московским государством. Международное положение Средней Азии в XVI — XVII вв. Ч. 1. 1932 (Труды Историко-археографического института и Института востоковедения. Материалы по истории народов СССР. Акад. наук СССР. [Т. 6]. Вып. 3); Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-х — 60-х гг. XIX в. /Ред. И. П. Петрушевский. М. — Л., 1936. Ч. 1–2; История Татарии в документах и материалах. М., 1937. Ин-т истории Акад. наук и Тат. науч. — исслед. ин-т марксизма-ленинизма; Материалы по истории Татарии второй половины XX в. Ч. 1. М. — Л. 1936; Материалы по истории Башкирской АССР. (Вступ. статья А. Чулошникова). Ч. 1. М. — Л. 1936. (Труды ИАИ).

²¹ См., например: История Татарии в документах и материалах...

²² Материалы по истории народов СССР. Вып. 1–7. Труды Археографической комиссии. 1930–1936.

²³ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.) /Отв. ред. В. И. Лебедев. Т. 4. М. — Л. 1940; Материалы по истории Казахской ССР /Под ред. М. П. Вяткина. Алма-Ата. 1948; Материалы по истории Карелии. XII — XVI в. /Под ред. В. Г. Геймана. Л., 1941.

В идее таких сборников отразилось, конечно, требование времени, причем именно конца 1920-х гг. Тогда Археографическая комиссия, еще до преобразования ее в ИАИ, уже должна была планировать новые темы, чуждые старому направлению своей деятельности, чтобы продолжить существование и доказать свою полезность советскому государству. В отрывках из дневников С. А. Пионтковского, например, говорится о Первой всесоюзной конференции историков-марксистов, состоявшейся в конце 1928 — начале 1929 гг.: «В русской секции было много докладов. Правда, русской секции не было, вместо нее была секция истории народов СССР. Это старое название — русская история, теперь вообще русской истории, по видимому, нет уже. Есть история СССР, или история Октябрьской революции, или история Украины, или история Великороссии. На съезде вот была секция истории народов СССР».²⁴

Кроме востоковедческих тем, проистекавших из занятий народами России, в ИАИ отчасти разрабатывалось и традиционное востоковедение. Иногда это было сотрудничество с работниками других институтов (см. примеч. 20). Так, по плану ИАИ проходила работа Н. И. Конрада на тему «Надельная система в Китае, Корее и Японии». Между тем известно, что в 1930–1938 гг. Н. И. Конрад заведовал японским кабинетом Института востоковедения, а работа по надельной системе Японии была впоследствии опубликована в трудах Института востоковедения.²⁵ И. Ю. Крачковский по плану ИАИ должен был приготовить к печати «Свод арабских источников» о Руси, а М. А. Коростовцев — сборник «Рабство в древнем Египте в эпоху Нового царства».

И существовала небольшая группа исследователей, которые занимались в ИАИ западной историей, вернее, готовили к публикации источники западноевропейского происхождения. Так, С. А. Аннинский делал перевод «Трактата о двух Сарматиях» Меховского для готовящегося его издания. И. М. Троцкий должен был «проверить перевод с латинского сочинения «О двух Сарматиях»». Л. В. Шеншина работала над сборником «Русско-французские отношения в эпоху Великой буржуазной революции». В. С. Люблинский

²⁴ Из дневника С. А. Пионтковского // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 487.

²⁵ *Конрад Н. И.* Надельная система в Японии // *Труды Института востоковедения АН СССР*. Т. 17. 1936.

подготовил к печати письма Вольтера в составе Воронцовского архива. Этим же занимался и Р. В. Васильев, а С. А. Аннинский редактировал. Я. М. Боровский в 1934–1935 гг. вел с сотрудниками ИАИ кружок латинского языка (80 часов в год).

Другим большим проектом работы в ИАИ, как в 1931 г., так и далее до конца его существования и далее в ЛОИИ, была история промышленности и связанная с этим история «зависимого населения». И в основном — это также было изданием материалов, а не исследование. Монографий вообще в 1930-х гг. издавалось мало, и они были небольшими, а в ИАИ их по плану совсем не было. В основном, как было показано выше, исследовательская работа выливалась в статьи и вводные разделы к изданиям материалов.

Над историей хозяйства и промышленности также работала значительная часть сотрудников ИАИ (как позднее и ЛОИИ): М. Н. Мартынов собирал «архив материалов по истории промышленности конца XVII — начала XVIII в.», М. В. Джервис-Бродский (1899–1942) был также занят этой темой, вышли работы: «Волнения петербургских рабочих накануне мировой войны» (Л., 1926) и «Русская табачная фабрика» (Л., 1933). Уже позднее, в эпоху ЛОИИ, вышли из печати: «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.» (Предисл. А. В. Предтеченский). М. — Л., 1937. (над сборником работали также Н. Г. Богданова, И. В. Мешалин, Р. Б. Мюллер, Н. С. Чаев).

Н. С. Чаев работал в ИАИ над статьей «Борьба за землю крестьян Антониево-Сийского монастыря в XVII в.», опубликованной в первом номере «Исторического Архива»,²⁶ а также был задействован в подготовке сборника материалов «Рабочее движение в XVIII в.». И. Н. Кальменс работал над историей крестьянских движений XVII в. Вышли «Материалы по истории крестьянских движений». Вып. 1–2. (Л. 1934–1935). А. В. Предтеченский исследовал переписную книгу Тульской оружейной палаты; М. Я. Гордон изучал стачки в черной промышленности Российской империи; Р. Б. Мюллер работала над сборником «Хозяйство уральского горнозаводчика». К. Н. Сербина должна была подгото-

²⁶ Непериодический сборник с таким названием начал выходить по инициативе Б. Д. Грекова с момента создания Института истории СССР АН СССР. До войны успели выйти три сборника.

вить к печати том «Крестьянская промышленность в XVIII — пол. XIX вв.» Вышли «Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в.» (М. — Л., 1935.) Т. 1; (М. — Л., 1950.) Т. 2. Первый том готовил В. Н. Кашин. Вторым том подготовил, как официально значилось, И. В. Мешалин. Как будет показано дальше, и этот том, на самом деле, также готовился В. Н. Кашиным. В плане работ И. В. Мешалина в ЛОИИ стоял сбор материалов о рабочих швейной промышленности XVIII в. и работа по «вычислению процентов в таблицах “Статистика стачек в России”». Р. И. Козинцева писала предисловие к тому материалов по истории завода Марти, А. И. Васильев — предисловие к этому же тому. Н. Н. Дмитриев исследовал фонд Горного департамента, изучал статистику стачек. М. П. Вяткин писал предисловие к сборнику «Суконный двор» (2,5 л.). Н. М. Элиаш занималась составлением 250 таблиц для сборника «Хозяйство уральского горнозаводчика». Р. Б. Мюллер составляла карту железных заводов и промыслов в Пермской вотчине Абамелек-Лазаревых.

Как видно, некоторые сотрудники занимались одновременно и историей народов СССР, и историей промышленности и хозяйства.

Сотрудники ИАИ занимались также изданием разнообразных справочников и разбором архива. Это также была традиция, идущая от АК. Основным проектом тут был Био-библиографический словарь истории народов СССР. Так, составлением картотеки для этого словаря по плану ИАИ занимались: к. и.н. С. Я. Гессен (специалист по Пушкину, погиб в 1937 г. в уличной катастрофе), Ф. Я. Дукельская, Э. А. Корольчук, В. П. Тихомиров, В. К. Путилов, А. В. Предтеченский, В. Г. Плющевский, И. П. Тихомирова, Н. П. Вишняков, И. Л. Морозов, Г. С. Александрова, М. В. Джервис, Т. М. Куличева (приводила в порядок картотеки), У. А. Шустер, Э. Г. Бернэ (карточки по Туркмении), А. И. Васильев.

Еще одним проектом был терминологический словарь. В работе над ним принимала участие в разное время группа сотрудников ИАИ: П. В. Акимов, Б. А. Ларин. Г. Е. Кочин занимался сверкой материалов для терминологического словаря.

Важнейшим направлением работы ИАИ, которое было связано со всеми остальными, являлось описание Архива ЛОИИ

и выявление нужных по остальным направлениям материалов. Н. С. Чаев должен был «производить работы по организации архива института» и далее возглавлял его и в составе ЛОИИ. Р. Б. Мюллер должна была работать над описанием Воронцовского архива ежедневно по 3 часа. И то же делали Н. В. Тимофеев, Н. С. Чаев, В. А. Кабанов. А. В. Пруссак бралась описать материалы Астраханского фонда, А. А. Введенский обязывался обследовать Астраханский фонд и выявить материалы по истории Азербайджана, А. П. Прессман — выявлять материалы по фонду Комитета министров, С. Н. Судаков планировал работу над материалами фондов Центрархива, И. С. Смолин — должен был выявить материалы по экономической политике первой половины XVIII в., Ю. А. Красовский — просматривать архивные дела и составлять карточки.

Головной институт ИА находился в Ленинграде, но существовала Московская группа. Она разрабатывала те же направления, что ИАИ в целом. Руководил московской группой ИАИ Е. А. Мороховец. На него в 1935 г. оформлялось большинство договоров по московской группе. Часть договоров подписывал врио руководителя московской группы А. Н. Сперанский.

Сотрудники в Москве, как и в Ленинграде, издавали источники — главным образом, по истории народов СССР и социально-экономическим проблемам. Так, член московской группы ИАИ К. В. Базилевич работал над томом материалов по истории Туркмении XVI — XVII вв. (25 л.). Г. С. Александров — писал отзыв о сборнике по истории Казахстана. А. Л. Войтоловская составляла указатель к сборнику по истории татар. М. К. Родкова делала перевод с французского языка документов о торговле России с Персией через Кавказ. С. Б. Веселовский приготавливал к печати рукописные материалы по истории землевладения и хозяйства Троице-Сергиева монастыря. Н. Н. Воронин готовил таблицы «по истории раннего феодализма в России». А. Н. Штраух занимался подготовкой тома материалов «Зависимое население в XV — XVII вв.». С. С. Мильман был ученым секретарем «бригады по истории феодализма и крепостничества». Н. В. Устюгов планировал выявление материалов на тему «Ремесленный и на-

емный труд в России в первой половине XVII в.». В. А. Шунков работал по сбору материалов «по истории ремесленного и наемного труда». Е. П. Подъяпольская собирала материалы для сборника «История промышленности Петровской эпохи». Бригада научных сотрудников архива Революции (Москва) в лице бригадира Л. А. Браже, так же как и ленинградские коллеги, занималась выявлением архивных материалов по истории завода Марти, и это также проходило по плану ИАИ.

Нужно обратить внимание, что (по сравнению с отмеченными выше главными направлениями) в ИАИ планировалось сравнительно немного работ по истории классово-политической борьбы. Е. С. Лейбович и П. Л. Харькова работали над темой «Феодализм в России». Можно назвать работу И. М. Троцкого «Борьба классов в России в эпоху раннего феодализма», запланированное Н. С. Чаеву предисловие к сборнику «Булавинское восстание», готовящийся Б. Б. Граве сборник «Крестьянские движения 1905–1907 гг.». В. Р. Лейкина собирала материалы для второго тома сборника «Петрашевы». М. В. Джервис-Бродский, кроме темы «о разделах Речи Посполитой», вместе с И. М. Троцким и П. П. Щеголевым занимался подготовкой к печати сборника «Маркс и Энгельс о России».

Что касается идеи издания важнейших источников по истории России (не по народам России) и прежде всего, русских средневековых источников, то в Москве сосредоточилась самая сердцевина будущей бригады по изданию Русской Правды. Там находился автор концепции издания В. П. Любимов, который по планам ИАИ в 1933–1935 гг. занимался подготовкой Троицкой группы списков этого памятника. Таким образом, идея издания Русской Правды, основная работа по которому происходила уже в эпоху ЛОИИ, восходит к ИАИ, и кроме того, В. П. Любимов разыскивал списки и выявлял редакции Русской Правды. Е. А. Рыздзевская готовила примечания к текстам Русской правды и делала «выборку высказываний из работ на немецком языке». В Ленинграде С. Н. Чернов должен был разработать примечания к текстам Русской Правды, а В. Л. Гейерманс осуществлять выборку вариантов из списков Русской Правды для издания и готовить

описания списков. А. Н. Насонов в это же время готовил к изданию Псковскую летопись «по всем имеющимся в настоящее время спискам» — таким образом, уже видно, что тема издания летописей начала разрабатываться в ИАИ. Кроме того, к 3 января 1935 г. А. Н. Насонов должен был представить статью «О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обозрение летописных сводов»». 15 февраля 1935 г. бригада в составе Г. Л. Гейерманса, В. Г. Геймана, Н. С. Чаева и К. Н. Сербиной обсуждала задачу подготовить к печати текст «Натуралия и Минералия» де-Геннина (55 п. л., срок 30 апреля 1935 г.) — переписанный текст без вариантов и разночтений. Готовый к печати текст должен был быть предоставленным к 30 сентября 1935 г. Е. А. Каринская по плану ИАИ занималась «изданием документов XVII — XVIII века».

Главным печатным органом ИАИ стал журнал «Проблемы источниковедения», выходящий с 1933 г. Э. А. Корольчук занималась редактированием выпуска 2. В 1935 г. И. М. Троицкий взял на себя «общую редакцию периодических сборников ИАИ “Исторический архив” и “Проблемы источниковедения”».

В 1936 г. в Ленинграде на основе Историко-Археографического института и других научных институтов было создано Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ). Сам Институт истории АН был образован в Москве. Анализ документов ЛОИИ 1936 г., а это, главным образом, трудовые договоры на научные и ремонтно-строительные работы и договоры с авторами, показывает, что в начале существования ЛОИИ там, в основном, сохранялись старые направления работы ИАИ, среди которых главным было выявление и подготовка к изданию различных источников.

Любопытны сохранившиеся нормы на расценки труда этого времени. Так, А. П. Пресман по 10 коп. за лист обязался просматривать архивный материал Комитета министров и Министерства финансов по теме «Царизм и буржуазия в 20–50 гг. XIX в.» и составить карточки по этим материалам до 1 января 1937 г. Договор был подписан с Археографическим сектором Института истории АН в лице помощника директора П. Г. Спирченко. По той же теме был заключен договор с сотрудницей Пивоваровой — просмотр

материалов Министерства финансов. Г.Т. Сенохаев в ЛО института истории АН производил «выявление архивных материалов по историографии народов Кавказа и подготовку их к печати».

В Археографическом секторе ЛОИИ продолжались работы, запланированные еще для ИАИ. По поводу работы А.Н. Насонова над псковскими летописями имеется особое определение: «Повышенная оплата печатного листа объясняется тем, что тов. Насонову приходится копировать текст летописей от руки и приводить к тексту варианты, что требует большой затраты времени». (Из письма Е.А. Мороховец в ЛО Ин-та истории от 27 октября 1936 г.). В итоге расценки были такие: 1.50 р. — карточка, 10 коп. — просмотренный лист, страница сверенного текста — 35 коп., лист просмотренных описей — 2–5 коп.

Продолжались готовиться к печати сборники документов «История крестьянской промышленности в XVIII и первой половине XIX в.». Тут расценки были: 5 коп. за просмотренный лист и по 1.50 за составленную карточку.

Н.Г. Аполлова и «Археографический сектор в лице помощника директора Спирченко» заключили договор о сверке и археографической обработке материалов сборника по истории восстания Костюшко: 40 коп. за сверку страницы копии с оригиналом и 60 коп за страницу археографической обработки (сверки и археографическая обработка иностранного текста оплачивается на 25 процентов дороже).

Но уже появилось много нового, что отличало ЛОИИ от старого ИАИ. Главная новация была в том, что возникли сектора. Археографический сектор Института истории находился по адресу: Васильевский остров, Университетская наб. 5 — это и было настоящее продолжение ИАИ. В Москве какое-то время находилась Московская группа Археографического сектора во главе с Мороховцом, хотя сам ЛОИИ являлся отделением головного Института истории СССР, который находился в столице.

В предыдущий период «бригады» или группы ИАИ создавались под отдельные проекты. Такими были и бригады по изданию летописей и актов в ЛОИИ 1936 г. В секторах, в противоположность этому, уже смешивались разные темы, например,

и классовая и национально-освободительная борьба. Это, конечно, было связано с общими переменами в отношении к истории России. Если в конце 1928 г. С. А. Пионтковский, как было показано выше, замечал, что понятие «русская история» вышло из употребления и заменено на «историю народов СССР», то в 1934 г. тот же С. А. Пионтковский увидел уже совершенно другую картину: в марте 1934 г. на заседании Политбюро с участием историков Сталин отказался использовать даже понятие «история СССР», объясняя это тем, что именно «русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас».²⁷ Этот импульс, идущий сверху, в конце концов, дошел и до Института истории, хотя из материалов ф. 133 видно, что смена векторов и политическая неактуальность «истории народов России» была понята историками не сразу, и соответствующие направления по истории народов СССР еще некоторое время в ЛОИИ сохранялись.

ИАИ был главной базой ЛОИИ. Но в ЛОИИ влилось, например, также Ленинградское отделение Комакадемии. Однако гораздо большее значение имело вхождение в ЛОИИ Института книги, документа, письма АН СССР (ИКДП), директором которого был академик А. С. Орлов.²⁸ Этот институт (он располагался по адресу: Биржевая линия, 1) много дал ЛОИИ. Прежде всего, оттуда появился печатный орган ЛОИИ «Вспомогательные исторические дисциплины». Кроме того, оттуда же шли совершенно другие, по сравнению с ИАИ, темы, так как в предыдущие годы в ИКДП планировались, в отличие от ИАИ, как раз научные исследования, а не издания документов.

Например, среди договоров ИКДП 1935 г. присутствует договор с профессором В. К. Лукомским о предоставлении статьи «Методы гербовой экспертизы» за гонорар в размере 300 руб. за печатный лист. Ориентировочная сумма договора 600 р. Институт обязался выпустить в свет работу отдельно или в составе сборника. Так же обстоит дело и с Н. П. Лихачевым, заключившим договор на статью «Печати Пскова» в 1 п. л. (300 р. гонорара).

²⁷ Дневник историка С. А. Пионтковского /Отв. ред. А. Л. Литвин. Казань, 2009. С. 507.

²⁸ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 4. 1935. № 12.

В 1936 г. с С. Н. Быковским заключен договор на редактирование «сборника статей по прикладным историческим дисциплинам», подготовляемый ИКДП. Тогда же договор заключен с Н. П. Бауэром на статью «Денежный счет Русской Правды», с Добиаш-Рожественской на статью «Фриульский минускул и эпизод из жизни Павла Диакона», с А. Ф. Вешняковым на статью «Из истории греческой криптографии», с М. И. Ахиным на тему «Обзор русской исторической библиографии». Традиция научных исследований перешла из ИКДП в ЛОИИ, где также понемногу начали писать статьи и книги, не связанные напрямую с публикацией источников (часто они шли вне плана).

Итак, ЛОИИ уже в начале своего существования отличался от ИАИ. Следующие изменения произошли примерно через один-два года после образования ЛОИИ. Во второй половине 1930-х гг. структура ЛОИИ существенно изменилась. Появились новые сектора, в основу которых были положены этапы развития человечества в понимании марксистской теории, а также разделение на Историю СССР и Всеобщую историю, и только как пережитки старого оставались некоторые прежние подразделения или их части.

Старые «бригады», как было указано выше, были такими элементами в составе ЛОИИ (как и прежнего ИАИ), которые обладали определенной степенью подвижности. Они создавались под конкретные проекты, и с ликвидацией проекта (или, вероятно, по выполнении задачи) могли быть распущены. Это не были постоянные подразделения института. Невозможно точно подсчитать их количество, они появлялись и расформировывались по мере выполнения заданий. Так произошло с «бригадами» по изданию летописей и актов. Новые времена заставили не только отойти от старых тем, но и иначе подойти к структуре института.

Этому предшествовал сильный натиск на ЛОИИ во второй половине 1936 и 1937 гг., когда была арестована часть его сотрудников. Уже через полгода после образования ЛОИИ на закрытом комсомольском собрании научной молодежи Ленинграда в адрес ЛОИИ было высказано несколько замечаний. Во-первых, как и все другие институты, ЛОИИ было объявлено ответственным

за работу своих предшественников. Во-вторых, обращалось внимание на деятельность в ЛОИИ троцкистов (к тому времени были уже произведены аресты). «Враги народа» направляли институт к «бездеятельности», а в его библиотеке не оказалось сочинений классиков марксизма.²⁹

После этого осенью 1936 г. в институт прислали комиссию из Москвы.³⁰ Она имела целью специальную проверку работы Ленинградского отделения. Результатом ее деятельности явилась сохранившаяся Докладная записка члена комиссии по фамилии Эйдук³¹ от 17 октября 1936 г., направленная в Отделение общественных наук тов. Донцову. ЛОИИ упрекался за то, что работал «по планам бывшего Историко-Архивного Института на 1936 г.» (Видимо, тут можно увидеть какую-то связь с решением упомянутого комсомольского собрания об ответственности институтов за работу предшественников). Руководству вменялось в вину, что не были отмечены изменения, то, что ряд тем давно был снят, и они переданы другим институтам: из 160 тем осталось только 70, из них будут выполнены только 19 тем, остальные перейдут на 1937 г. Вывод был неприятным для руководства и сотрудников ЛОИИ: «На общем весьма неутешительном фоне производственной работы Института выделяется совершенно беспомощный Сектор истории колониальных и зависимых стран (зав. Сектором М. С. Годес), который за время с мая по 1 октября с. г. фактически ничего не предпринял». На одно только собиранье материала на тему работы Шамсонова по Никарагуа и Кокина по Тайпинскому восстанию отведено 2 года, это подчеркивается с возмущением («не только 1936, но и весь 1937 год!») Неудовлетворительное положение сложилось в Секторе истории Запада и группе Сектора истории СССР. Наконец, Институт «вступил на путь прямого очковирательства»: Работа Н. С. Чаева «Крупное

²⁹ *Купайгородская А. П.* Указ. соч. С. 72–73.

³⁰ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 5. № 73.

³¹ Инициалы в записке не проставлены. В это время известен чекист А. В. Эйдук (расстрелянный в 1938 г.). Никаких данных о том, что он привлекался к проверке институтов АН, мною не обнаружено, но по тону и содержанию записки видно, что ее автор не принадлежал к академической среде и не имел представления об исследовательской работе.

монастырское хозяйство XVI–XVII вв.» и «Акты Кремоны XIII — XV вв.» (их готовил С. А. Аннинский), «о которых сообщается как о законченных, сделаны лишь на 50 % и в 1936 г. выполнены не будут». Эти факты, по мнению автора записки, «определенно говорят о катастрофическом положении в институте». Причиной же «являются не только объективные обстоятельства (подрывная работа контрреволюционеров — б[ывшего] уч[еного] секретаря Попова, рук [оводителя] Группы истории народов СССР Забирова и др.), но и слабое руководство Ин[ститу]том как со стороны Москвы, так и зам. директора акад. Грекова». К записке с сопроводительным письмом (Председателю Отделения общественных наук акад. А. М. Деборину, копия в Институт истории АН СССР акад. Н. М. Лукину), приложен ответ ленинградского Отделения, подписанный Б. Д. Грековым и новым ученым секретарем М. А. Коростовцевым. К нему были приложены объяснительные записки С. А. Аннинского и Н. С. Чаева. В письме опровергались все обвинения Эйдука, объясняющиеся его некомпетентностью. «ЛОИИ не скрывает своих недочетов и борется за их устранение. Особенно тяжелым в жизни ЛОИИ был истекший 1936 год: из числа сотрудников Института выбыло несколько человек членов троцкистско-зиновьевской организации, ликвидированной органами НКВД». В письме Б. Д. Грекова также сказано, что в 1936 г. в ЛОИИ сменилось три ученых секретаря, «которые один за другим были арестованы, как члены (троцкистско-зиновьевской. — В. В.) организации». Кроме того, в письме подчеркивается, что в течение года ЛОИИ подвергся двум реорганизациям. Сначала Историко-Архивный институт был реорганизован в ЛОИИ, затем туда влились остатки ликвидированной Комакадемии. Материалы комиссии Эйдука в сочетании с репрессиями 1937 г., когда в частности, был арестован ученый секретарь ЛОИИ И. М. Троцкий, поясняют нам обстоятельства, при которых происходило переоформление старых «бригад» в новые «сектора» с постоянным составом и четко обозначенными хронологическими периодами.

Новые направления работы отразились в производственных планах ЛОИИ на 1937 г.³² При их анализе приходится учитывать,

³² СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 4. № 2 (1937).

что весной 1937 г. в ЛОИИ состоялось общее собрание, на котором обсуждался вопрос о выявленных органами НКВД в институте «врагах народа», по которым, как и по «беспечности» (слова Б. Д. Грекова) институт занимает первое место. Это совпало с критикой в Москве в адрес директора института Н. М. Лукина, за которой последовали, в конце концов, его арест и гибель. Одновременно, все эти обвинения привели к пересмотру рабочих планов, в том числе плана ЛОИИ, для чего была создана специальная комиссия (Греков, Губкин, Деборин, Осинский, Тарле). Во время заседания в ЛОИИ выступавшие критиковали план работы потому, что в нем превалировала археография, которая, по словам Б. Д. Грекова, «съела исследовательскую работу», и «вместо разворачивания научно-исследовательской работы шли по линии издания текста», как сказал В. В. Струве.³³ Таким образом, по сути, отвергалось все прошлое направление деятельности ИАИ, за которое ЛОИИ к тому же нес ответственность, и осуждался предыдущий курс ЛОИИ на археографию. Вместо нее ЛОИИ было вменено преимущественное занятие историей народов СССР.³⁴ Это говорит о том, что начальство академии само не всегда хорошо понимало, что от него требуется в часто менявшейся ситуации: оно противопоставляло занятия археографией занятиям народами СССР в то время, когда уже и занятия народами СССР не отвечало полностью требованиям момента.

После этого Б. Д. Греков возглавил институт, и в январе 1938 г. под его руководством институт отчитывался по планам 1937 г.

Судя по отчетам ЛОИИ за 1937 г., там еще оставался (как пережиток ИАИ) Археографический сектор — именно ему было поручено теперь издание документов (Гейман, Емельянов (Акты по истории сельского населения), Мешалин, Васильев, Соколов (Крестьянская промышленность XVIII — XIX вв. Т. 2), Вяткин, Стеблин-Каменская, Аполлова (Материалы по истории Казахстана, т. 2. XIX в.), Богданова («Материалы по истории Азербайджана» — т. е. продолжение темы народов СССР), Лейкина («Петрашевы»), Аннинский («акты Кремоны»). Во втором

³³ *Купайгородская А. П.* Указ. соч. С. 74.

³⁴ Там же. С. 76.

квартале 1937 г. Археографический сектор отчитывался за «Русскую Правду», Т. 1. (Любимов, Лавров, Тихомиров, Кочин, Гейерманс), «Хронику Генриха Латыша» (Аннинский), материалы по истории Башкирии. Т. 2 (Чулошников), по истории Казахстана, Т. 1, Вып. 2 (Вяткин, Стеблин-Каменская, Аполлова). В третьем квартале Археографический сектор отчитывался публикацией А. П. Ковалевского «Арабские источники о Восточной Европе и Кавказе», вып. 1 (Ибн-Фадлан). За четвертый квартал в отчете значится выпуск «Исторического архива» (Вып. 1, 2) и сборника «Источниковедения» (Вып. Т. 3 и 4).

Сектор истории народов СССР отчитывался из конкретных работ исследованием И. П. Петрушевского «Феодальное землевладение в Азербайджане и Кавказской Армении в период Иранского владычества и полунезависимых ханств XVI — XVIII вв.»³⁵ Но кроме отдельных тем по истории феодализма в отчете Сектора фигурировали теперь большие коллективные темы-направления. У каждого такого направления имелся руководитель. Например, издание «Крупной феодальной вотчины XVI — XVII в.», Ч. 1 (руководитель Чаев), входило в направление «Изучение основных этапов феодализма в России на основе конкретного исторического материала». А направление «Изучение необследованных еще этапов развития феодального Закавказья на основе первоисточников» включало изучение конкретных тем: «Аграрные отношения в Закавказье в монгольский период XIII — XIV вв.» и «Феодальное землевладение в Азербайджане и Кавказской Армении в период Сефевидов и полунезависимых ханств XVI — XVIII вв.» (руководитель Петрушевский). В направление, которое называлось «Исследования по истории отдельных народов СССР», входило изучение истории Киевского государства, видимо, как важного этапа исторического развития русского, украинского и белорусского народов. Руководитель направления — Б. Д. Греков.

Отдельно шло направление «Исследования, освещающие на основании нового архивного материала ряд важных моментов истории отдельных народов СССР», руководитель А. И. Андреев

³⁵ Вероятно, речь идет о тексте, защищенном в 1941 г. как докторская диссертация «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века».

(по договору). В рамках этого направления шла, например, «История ненцев». Назначение руководителем по этому направлению А. И. Андреева было связано с его работами по истории и археологии Сибири. Изучением «Движения Батыра Срыма в Казастане» руководил М. П. Вяткин. В планах ЛОИИ стояла одноименная монография Вяткина. Темой «Восстание 1863 г. в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине» руководил В. Ю. Гессен.

Тему «Исследования, дающие историю Башкирии на протяжении XIX в.» вел А. П. Чулошников, который готовил в рамках этого исследования «Башкирия в период кантонного управления». Кроме него, Башкирией во второй половине XVIII в. занимался Х. И. Бекентаев, а «Национально-колониальной политикой царизма в Казахстане» — под руководством М. П. Вяткина — Бекентаев, Аполлова и Стеблин-Каменская. Сбором «Материалов по истории Талышского ханства» руководил Я. М. Притыкин, «Материалами по истории Азербайджана» занимались Притыкин и Богданова, а «Материалами по истории Татарии» (Т. 2.) — И. Л. Морозов и А. И. Ешан.

Из больших проектов по изданию памятников древнерусской письменности к 1937 г. на время уцелел лишь план издания актов, т. к. план новой серии издания летописей был отвергнут еще в 1936 г. Было решено издавать все акты X — XV вв. Из отчета следовало, что в 1937 г. исследователи, входящие в этот проект, которым руководил С. Н. Валк (Сперанский, Сыроечковский, Устюгов, Гейман, Мюллер, Кочаков, Андреев, Кочин), занимались «регистрацией всех древнейших русских актов и подготовкой к изданию первого тома, в который должны войти наиболее древние из сохранившихся актов».

Продолжалось и другое направление, идущее из ИАИ: изучение крестьянской промышленности и промышленности вообще. «Материалами по истории промышленности XVIII — XIX вв.» («Сборники неопубликованных архивных материалов с комментариями, вступительными и исследовательскими статьями») руководил А. В. Предтеченский, а исполнителями были А. П. Дрязгова и А. П. Подъяпольская (по договору). Темой «Помещики и крестьяне в первой половине XVIII в.» руководил

А. Л. Шапиро, исполнителями были А. В. Пруссак, С. С. Гродзяцкий (по договору). «Крестьянскую промышленность XVIII в.» (Т. 3) готовил Мешалин, «Крестьянские волнения в первой половине XVIII в.» (выявление и отбор материала) — Васильев, «Материалы о пугачевском восстании» — Пруссак, «Социально-экономической политикой Николая I по отношению к русской буржуазии» руководил Морозов, исполнителями были Буланов, А. В. Предтеченский и Л. Н. Пивоварова. «Материалы по истории крестьянских движений в Среднем Поволжье во второй половине XIX в.» (Сборник неопубликованных архивных материалов по истории отдельных народов СССР за XVI–XIX вв. с комментариями и вступительными статьями) готовили Морозов и Ешан.

Что касается справочников, то теперь в планах ЛОИИ значились другие, не те, которые проходили по планам ИАИ. По «Историческому словарю раннего русского феодализма» (Т. 1) разрабатывались «термины социально-экономического производства», и было прибавлено, что «работа необходима как пособие для работы над первоисточниками по истории раннего русского феодализма» (Руководитель Б. Д. Греков, исполнитель Г. Е. Кочин). Вся работа была рассчитана на 3 года. Готовилась также «Аннотированная библиография по истории Туркмении» (Ш. М. Левин). О работе было сказано, что это — «основное пособие для изучения истории Туркмении».

Итак, по «народам СССР» в 1937 г. видна та же картина, что и в период ИАИ: историки России в значительной мере занимались сюжетами «русского Востока».

Новым был Сектор Новой истории. Его возникновение напрямую связано с переходом ЛОИИ в своей деятельности от истории народов к истории формаций. По этому сектору шло направление «Международные отношения» и в рамках его — сборник «Царизм и западноевропейские революции» Т. 1. и Т. 2. (сост. Бандтке, исполнители Шеншина, Алексеева, Т. М. Козмичева (по договору)). А. И. Молок отчитывался за монографию «Революция 1830 г. во Франции». Шла тема «Венский конгресс», по которой работал над монографией Е. В. Тарле, а также Ф. А. Хейфец. По теме «История Франции» шла работа над главой из «Всемирной

истории» по периоду реставрации (А. И. Молок), исследовались франко-русские отношения периода Второй империи (Бандтке). По направлению «История Польши» разрабатывалась тема «Польша в период 1815–1861–1863 гг.» — У. А. Шустер (глава для «Всемирной истории») и «Очерк по истории разделов Польши» — М. В. Джервис. Приготавливались также учебные пособия: «Новая история в материалах и документах» (в 2-х тт.) — Шустер, Бандтке, Молок, Шапиро.

Новые «сектора» еще не совершенно отделились от старых «бригад», т. к. некоторые сотрудники числились с одними работами по одному сектору, а с другими — по другому. Например, работы Ю. А. Перепелкина шли и по Сектору Вспомогательных исторических дисциплин, и по Сектору истории Древнего мира, а С. Н. Валк по отчету ЛОИИ шел и по «истории народов СССР», и по Сектору Вспомогательных исторических дисциплин.

Если Археографический сектор был наследником ИАИ, то Сектор Вспомогательных исторических дисциплин, очевидно, являлся наследником ИКДП. По направлению «Дипломатика» в этом Секторе проходила работа С. Н. Валка «Дипломатика русского частного акта», а также вызвавшие в 1936 г. нарекания «т. Эйдука» «Акты Кремоны», которые готовил С. А. Аннинский. По «Эпиграфике» шла подготовка и издание памятников египетских надписей, хранящихся в Секторе, — руководитель Ю. А. Перепелкин, а также работа над стелами «Горы на крокодилах» — В. И. Евгенова. По разделу «Библиография» шли как «Издания по истории буржуазной французской революции», так и систематическое описание русских и славянских рукописей бывшего ИКДП (А. С. Орлов) и работа Л. В. Разумовской «Пугачев и пугачевское движение».

По архивохранилищу в 1937 г. шло Описание актов Астраханской воеводской избы.

Наконец, Сектор Древней истории представил один из самых мощных отчетов, в котором значились следующие темы: «Разработка плана соответствующего раздела всемирной истории» (В. Я. Струве, О. О. Крюгер, С. И. Ковалев), «История Хеттского государства» (В. Я. Струве), «Период Тель-Амарны в Древнем

Египте» (Ю. А. Перепелкин), «Иммунитетные грамоты Нового царства в древнем Египте» (М. А. Коростовцев), «Триполье (доклассовое общество на территории УССР)» (Б. Л. Богаевский), «Роль восточных провинций в государстве Селевкидов» (О. О. Крюгер), «Эпоха императора Максимиана» (С. И. Ковалев), «История скифов» (Шульц (по договору 2400 р.)), «Гомер как исторический источник» (М. С. Альтман (договор 1050 р.)), «История Спарты» (А. К. Бергер (договор 2400 р.)), «История Бестии» (С. Я. Лурье (по договору 2450 р.)), «История Бактрии» (К. В. Тревер (по договору 1750 руб.)). Такой отчет показывает, что Сектор Древней истории был в конце 1930-х гг. одним из самых сильных в институте, как по разнообразию тем, так и по качеству ученых специалистов.

Итак, в ЛОИИ 1937 г. появляется четкая структура вместо аморфного набора «бригад». Недаром, летописная бригада заканчивает существование в 1936 г. Дело не только в провале самого плана публикации летописей. Дело в том, что закончился вообще период «бригад». Некоторые темы, идущие из ИАИ и Института документа и письма, остаются, но они перемежаются с новыми направлениями, связанными с делением на исторические периоды.

В июле 1938 г. в «Правде» была опубликована статья члена Ученого совета Института истории А. Пясковского с упреками в адрес О. А. Добиаш-Рождественской (не внесшей в предисловии к своей латинской палеографии³⁶ нужной идеологической риторики) и А. П. Чулошникова, обвиненного в незнании марксизма. А. П. Чулошников, якобы, в издании «Материалов по истории Башкирии» подменил понятие вопросов классовой борьбы борьбой национальностей и пропагандировал там «безграмотные суеверия, которые без труда опровергнет любой школьник». А И. П. Петрушевский обвинялся в том, что он отождествлял русский народ с царизмом, когда писал о колониальной политике в Азербайджане. Что касается опубликованного в 1937 г. сборника «Вспомогательные исторические дисциплины», то он назван далеким от марксизма и лишенным научной ценности. Видимо

³⁶ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Л., 1936.

этот сборник, действительно хорошо выражал дух ЛОИИ, который автор статьи охарактеризовал так: «ЛОИИ — институт древностей с антимарксистским уклоном», в котором «махровым цветом процветает лженаука».³⁷

За 1937–1938 гг. сохранились протоколы заседаний и доклады Сектора Вспомогательных исторических дисциплин и появившейся в ЛОИИ новой Группы Раннего феодализма в составе Сектора истории народов СССР.³⁸ Обвинения в адрес «Вспомогательных исторических дисциплин», конечно, отразились и на одноименном секторе ЛОИИ. В Сектор ВИД входили: академик А. С. Орлов; с. н.с. С. А. Аннинский (Опись западноевропейских документов), с. н.с. В. Евгенова, с. н.с. В. М. Тонкова (сводный каталог изданий эпохи Французской революции, статья «Театр в России в XVII и XVIII вв.»)

Что касается Группы раннего феодализма, то 31 декабря 1937 г. группа рассматривала вопрос «О работе в 1938 г. по тому “Акты Новгорода и Пскова”». До этого 14 декабря 1937 в присутствии Б. Д. Грекова, С. Н. Валка, Л. В. Разумовской, М. В. Джервиса, У. А. Шустера и Г. Е. Кочина был обсужден отчет о работе «Литовская и Польская Правды и Вислицкий статут» (руководитель С. Н. Валк). А 14 сентября 1937 г. был заслушан доклад А. И. Андреева “Работа В. Н. Татищева над примечаниями к Русской Правде” (присутствовали Б. Д. Греков, Н. С. Чаев, С. Н. Валк, Г. Е. Кочин, Н. Н. Степанов, А. И. Андреев, Н. Ф. Лавров, Г. Л. Гейрманс, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербина, Васильев).

Но важнейшим проектом сотрудников Группы раннего феодализма был проект издания Русской Правды. Это был единственный большой проект издания средневековых источников, сохранившийся от планов ИАИ и пришедший отчасти «на смену» отвергнутому в 1936 г. плану издания летописей и так и не осуществленному в полном объеме впоследствии плану издания актов. 2 сентября 1937 г. обсуждался вопрос «О состоянии работ по подготовке третьего тома Русской Правды». Сохранился отчет о заседании группы по подготовке издания РП от 9 ноября 1938 г. Присутствова-

³⁷ *Купайгородская А. П.* Указ. соч. С. 77.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1527.

ли Греков, Б. А. Романов, Н. Ф. Лавров, Г. Е. Кочин, Александров, В. В. Гейман, С. Н. Валк, Г. Л. Гейерманс и И. И. Смирнов.³⁹ На заседании было заслушано сообщение Б. А. Романова — «Комментарий к статьям Русской Правды о закупах».

Кроме того, почти все члены Сектора истории народов СССР были вовлечены с 1937 г. в написание глав для «пятитомника».⁴⁰ 30 декабря 1937 г. состоялось заседание на тему «Об участии работников ЛОИИ в составлении 2 тома пятитомника по Истории народов СССР». Планировались следующие тома: 1. Киевская Русь — Б. Д. Греков 2. Феодалная раздробленность (Тмутараканское и Черниговское княжества — В. В. Мавродин, Ростово-Суздальское — Н. Ф. Лавров, Новгородская земля — М. Н. Тихомиров, Г. Е. Кочин, Прибалтика — С. А. Аннинский). 3. Государства Средней Азии, Кавказа, Закавказья XI — XIII вв. — А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский. 4. Монголы. 5. Немецкая агрессия (С. Н. Валк) 6. Северо-Восточная Русь (Б. А. Романов — Тверское княжество, Г. Л. Гейерманс — Рязанское, С. Н. Чернов — Нижегородское, К. В. Базилевич — Московское великое княжение, Новгород и Псков — Г. Е. Кочин, Кочаков, А. И. Андреев, С. Н. Валк, Образование Казахской орды — М. П. Вяткин, Кавказ и Закавказье — И. П. Петрушевский. 7. Образование русского национального государства. 8. Расширение русского государства и превращение его в многонациональное государство при Иване Грозном (Садиков, Смирнов, Любименко, Орлов). 9. Крестьянская война и польско-шведская интервенция. 10. XVII в. (Гейман, Вяткин, Чулошников, Андреев, Мюллер, М. Н. Мартынов (удмурты), Чаев Н. С., культура — В. П. Адрианова-Перетц. 11. Петр 1. 12. Промышленность и с/х в I четверти XVIII в. Империя в сер. XVIII в. (С. В. Вознесенский, Чулошников, Курц, Дондуа, Чернов, Г. А. Гуковский). 13. Екатерина II (Л. В. Разумовская А. Н. Шебунин, Иванов, Вяткин, Окунь, Гессен и Джервис,

³⁹ Это было уже не первое заседание группы («бригады») по изданию Русской Правды. См. подробнее: *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей... С. 522–533.

⁴⁰ Речь идет пятитомнике по «Истории народов СССР», который значился в плане ЛОИИ. В отчетах за 1937 и 1938 гг. упоминались тексты для второго и третьего томов.

Любименко, Тонкова). «Историю народов Сибири» должны были писать Бахрушин, Андреев, Шунков. Рассматривался «вопрос о составлении карт».

Внутри секторов теперь возникали новые подразделения — группы. За 1938 г. сохранились отчеты Группы раннего феодализма Сектора истории народов СССР ЛОИИ (руководитель группы Б. Д. Греков, секретарь Н. Е. Кочин, среди них персональные отчеты С. Н. Валка, Н. Н. Воронина, В. Г. Геймана, Н. Ф. Лаврова, И. И. Смирнова, Г. Л. Гейерманса, В. В. Мавродина, Н. Е. Кочина, С. А. Аннинского).

19 марта 1938 г. Б. Д. Греков информировал коллег, что в состав группы принято трое сотрудников бывшего ГАИМК: В. В. Мавродин, И. И. Смирнов и Н. Н. Воронин. Н. Н. Воронин хотел включить в план свою начатую в ГАИМК книгу «Восстания смердов в XI в. Очерки по истории Киевской Руси в XI в.». Греков вместо этого предложил ему заняться историей Ростово-Суздальской и Владимирской земли, что и было принято. Во время обсуждения выступил С. Н. Валк, заявивший, что первая предложенная тема о смердах, «изрядно потрепанная, и у Н. Н. Воронина она поставлена была в период увлечения в ГАИМК социологизацией и в таком плане им разрабатывалась, что совершенно не отвечает направленности института».⁴¹

2 января 1938 г. специально обсуждался «вопрос об участии Приселкова в работе по 1 и 2 разделам 3 тома пятитомника». В результате, М. Д. Приселкову были поручены «русско-византийские и русско-болгарские отношения IX–XII вв.», «Печенегия, берендеи, торки и половцы», «начало русского летописания» и «Слово о полку Игореве».

Г. Л. Гейерманс отчитывался работой по изданию Русской Правды и написанием статьи «для пятитомника» на тему «Рязанское княжество» (3/8 п. л.); И. И. Смирнов — статьями «для пятитомника» о «Завоевании Казани и Астрахани» и «Борис Годунов»; Н. Ф. Лавров — статьей для пятитомника «Церковь в конце XV — начале XVI вв.» и «возобновленной» работой по составлению комментария к Русской Правде; В. Г. Гейман — статья-

⁴¹ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1527. Л. 29.

ми для пятитомника «Шведская интервенция в начале XVII в.» и «Крепостная мануфактура в XVII в.»; Н. Н. Воронин — статьями для пятитомника «Искусство Владимиро-Суздальской, Полоцкой и Рязанской земель», «Искусство Москвы и Твери в XIII — XV в.», «Архитектура эпохи образования русского национального государства», «Архитектура в конце XVI — XVII вв.», и работой по теме «Очерки по истории Владимиро-Суздальской земли», В. В. Мавродин — статьями для пятитомника (том 5) «Тмутараканское княжество», «Княжества Приднестровья XI — XIII вв.», а также текстами по теме «Очерки истории Северской Украины»; С. Н. Валк писал для пятитомника раздел «Политическая реакция 80-х гг. XIX в.», указан также его доклад в Новгороде «Новгородские акты в издании Института истории» (Акты XI — XVI в. Т. 1. Акты Новгорода и Пскова XI — XVI в.); Г. Е. Кочин написал для пятитомника разделы «Новгород с середины XIII — по XV в.», «Псков с середины XIII по XV в.»; Н. С. Чаев — раздел «Донские казаки», «Восстание Степана Разина», «Церковная политика московского правительства в XVII в. и начало раскола». Р. Б. Мюллер продолжала просмотр материалов для сборника «Материалы по истории остяков и вогулов» (13 коробок в архиве ЛОИИ) и для сборника по истории калмыков (3 коробки).

Параллельно с вовлечением большинства сотрудников в работу над пятитомником по истории народов СССР шли темы и работы, связанные с изучением и изданием источников (которыми ранее занимался Сектор Археографии и Сектор Вспомогательных исторических дисциплин — оба они уже отсутствуют в отчете 1938 г.). Так, А. П. Ковалевский (руководитель И. Ю. Крачковский) готовил «Известия арабских писателей IX — XIII вв. о народах СССР»; С. А. Аннинский — «Хронику Ливонии» Генриха Латыша (внепланово, издание для популярной серии), «Западно-европейские памятники XIII — XIV вв. о татарах-монголах» (внепланово), «Записки Антонио Поссевино» (сверка латинского текста с рукописью, подготовка к печати, руководитель Б. Д. Греков) и «Известия венгерских миссионеров». В работе «Скандинавские саги» исполнителем была Е. А. Рыздзевская, руководителем Б. Д. Греков; в издании Русской Правды — исполнителем

Н. Ф. Лавров, руководителем Б. Д. Греков; в теме, обозначенной как «Восстановление текста Троицкой летописи» — руководитель Б. Д. Греков, исполнитель М. Д. Приселков; в теме «История шведской интервенции начала XVII в.» — исполнители В. Г. Гейман и Н. Е. Боровкова, руководитель Б. Д. Греков; в запланированном издании сибирских летописей XVII в. — исполнитель К. Н. Сербина, руководитель Б. Д. Греков; в издании «Летописных известий о народах Поволжья» — исполнитель Р. Б. Мюллер, руководитель Б. Д. Греков. 13 февраля 1938 г. Группа раннего феодализма обсуждала вводную статью Р. Б. Мюллер к изданию «Летописные известия о народах Поволжья». Многие сотрудники выступали критически (В. Г. Гейман, Кочаков, И. П. Петрушевский, И. И. Смирнов, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Г. Л. Гейрманс, Б. Д. Греков).

При обсуждении итогов работы за 1938 г. 17 декабря (после речей Сталина и Молотова о задачах научных учреждений и выхода «Краткого курса» истории ВКП (б)) на собрании сотрудников ЛОИИ вновь говорилось (докладчик С. Н. Валк и содокладчик М. П. Вяткин) о необходимости преодолеть превалирование публикаторских задач над исследовательскими, что было поддержано выступавшим Сидоровым.

Большой интерес для реконструкции атмосферы в ЛОИИ конца 1930-х гг. имеют сохранившиеся за это время «Заявления научных сотрудников» (с 1936 по декабрь 1938 г.),⁴² например, заявление И. П. Петрушевского об «отсутствии параллелизма» в его работах для Института истории (арабские ранние тексты, Масуди, Фадлан) и Института востоковедения (куда он поступил позднее). Любопытно также, что М. В. Джервис (он идет уже без второй фамилии, не как Джервис-Бродский) протестовал против снятия темы о разделах Польши из плана работ ЛОИИ на 1937 г.

Большой интерес представляет заявление П. В. Эрнштедта, сделанное в феврале 1937 г. и касающееся издания коптских текстов, предстоящего Сектору древней истории ЛОИИ.⁴³ В заявлении сказано, что это — выполнение договора, заключенного еще ИКДП в сентябре 1934 г. Язык публикации тогда должен

⁴² СПФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. № 1533.

⁴³ См.: Коптские тексты в собрании Государственного Эрмитажа. М. — Л., 1959.

был быть немецким. Но теперь возникло требование осуществить перевод текстов на русский язык, что по мнению П. В. Эрнштедта, «ввиду отсутствия в нашем Союзе коптологов, не имело бы достаточного оправдания с точки зрения внутрисоюзного спора»,⁴⁴ который «мог бы быть удовлетворен только в случае переделки наново и сокращения объема привлекаемых памятников». Мнение П. В. Эрнштедта состояло в следующем: «Советского читателя стоило бы знакомить только с теми из них (коптских памятников. — *В. В.*), содержание и степень сохранности которых достаточно говорили бы за себя и обеспечили бы возможность заведомо ценных для нашей науки выводов, не ограничиваясь при этом случайно узкими рамками трактовки, обусловленной составом данного, с точки зрения международной коптологии, вполне второстепенного собрания. Практика русской коптологии до революции такими соображениями не руководствовалась. Акад [емик] Тураев, издавая коптские тексты, давал свои попытки комментария и переводов по-русски. Результатом было то, что специалисты за границей, не понимая его русского текста, в конечном итоге не вработали его вклада в общую сокровищницу коптологии, а использовали только ту часть его работы, которую составляли его копии оригиналов. Толкования Тураева только в той незначительной своей части дошли до западных специалистов, которая выявлялась в не всегда удачной полемике с ним писавшего по-немецки чл. — корр. АН О. Э. Лемма. Приходится констатировать, что продукция ак [адемика] Тураева стала жертвой того, что мы теперь могли бы назвать обезличкой русского ученого в международном масштабе. На практике дело сводилось к тому, что русский ученый давал науке сырой материал, использовавшийся для выводов уже не у нас, а за границей».⁴⁵ Из заявления явствует, что П. В. Эрнштедт был принужден делать все же русский текст, к изготовлению которого приступает и надеется закончить в 1938 г. (1 кв.), хотя работа была представлена уже в 1935 г. в ИКДП, и лучшим было бы решение об издании с двумя параллельными текстами по-немецки и по-русски.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. № 1533. Л. 35.

⁴⁵ Там же. Л. 36.

Некоторые заявления позволяют внести уточнения в последовательность формирования планов работ сотрудников ЛОИИ. Например, неоднократные заявления Н. С. Чаева с просьбой освободить его от заведования Архивом ЛОИИ, т. к. он не успевает заниматься исследовательской работой, отчего не продвигается его тема «Крупная феодальная вотчина на севере Московского государства в XVI – XVII вв.» (Антониево-Сийский монастырь).⁴⁶ Ан. Емельянов в своем заявлении изложил план работы «Крестьяне и детеныши в вологодской монастырской вотчине в конце XVI и в начале XVII вв.», но вскоре был вынужден подать заявление по поводу своего неожиданного увольнения, хотя проработал в ЛОИИ всего год.⁴⁷

Как уже было сказано, в 1936–1937 гг. ЛОИИ были нанесены ряд ударов, выразившихся в аресте некоторых сотрудников, в том числе руководителей. В последующих документах они обычно именовались потом «старым руководством», на которое ссылались при обнаружении недостатков в работе. Так, в заявлении Г. Е. Кочина от 19 мая 1937 г. по поводу упомянутого выше Терминологического словаря говорится, что «работа по Терминологическому словарю 1936 г. была сорвана», т. к. «была преждевременной», а «у руководства ЛОИИ не хватило смелости решительно осудить неповоротливую игру с этой работой, затеянную бывшим руководством Исторической Комиссии».⁴⁸

Наибольшую ценность представляют материалы 1937 г., связанные с делом В. Н. Кашина. Трагической истории сотрудника ЛОИИ В. Н. Кашина посвящена книга Р. Ш. Ганелина.⁴⁹ 21 марта 1937 г. было проведено общее собрание сотрудников ЛОИИ по изобличению «контрреволюционных» высказываний В. Н. Кашина на семинаре со студентами исторического факультета 11 февраля и других его высказываний.⁵⁰ В. Н. Кашин был

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. № 1533. Л. 45, 99–100.

⁴⁷ Там же. Л. 48, 58.

⁴⁸ Там же. Л. 120.

⁴⁹ «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина /Составление, вступительная статья, примечания Р. Ш. Ганелина. СПб., 2006.

⁵⁰ Там же. С. 99–175.

арестован 14 апреля 1937 г.⁵¹ Но еще до этого была блокирована вся научная работа, которая велась ранее под его руководством. Сохранилось заявление И. В. Морозова, А. В. Предтеченского и сотрудника по договору Л. Н. Пивоваровой на имя Б. Д. Грекова.⁵² В этом заявлении говорится: «1 апреля 1937 г. директор Архива истории народного хозяйства — т. Шкипсна, вызвав из читального зала сотрудников ЛОИИ А. В. Предтеченского и Л. Н. Пивоварову, членов бригады, работающей над темой «Социально-экономическая политика Николая I по отношению к русской буржуазии», предложила им немедленно вернуть пропуска и сдать находящийся у них в пользовании архивный материал. На вопрос, чем вызвано такое неожиданное распоряжение, т. Шкипсна ответила буквально следующее: вы работаете для Кашина, и до тех пор, пока вопрос о Кашине не будет разрешен, я не могу позволить вам заниматься в читальном зале архива». Возражения т. т. Предтеченского и Пивоваровой, заявивших о том, что они работают «не для Кашина, а для Института», были оставлены без внимания; т. Шкипсна заявила, что поскольку Кашин является ответственным редактором подготавливаемого к печати сборника, она допустить продолжения работы по этому сборнику не может. После этого т. т. Предтеченский и Пивоварова были вынуждены вернуть полученные ими пропуска в архив». Далее в заявлении содержится просьба решить эту проблему. Однако обращение «бригадира Морозова И. Л.» к той же Шкипсна не дало результата.

Рядом с процитированным заявлением сотрудников ЛОИИ хранится заявление самого В. Н. Кашина на имя Б. Д. Грекова от 4 марта 1937 г. по поводу задержки выхода комментариев ко второму тому «Крестьянской промышленности», которые он готовил.⁵³ Из этого заявления видно, что судьба В. Н. Кашина

⁵¹ Там же. С. 230.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 133. Оп.1. № 1533. Л. 52.

⁵³ Там же. Л. 55–56. Второй том «Материалов по истории крестьянской промышленности» увидел свет только в 1950 г. Имя В. Н. Кашина упомянуто не было, а в предисловии было сказано, что том составлен и подготовлен к печати И. В. Мешалиным, выявление материалов проведено Н. Г. Богдановой, археографический комментарий выполнен К. Н. Сербиной (вдовой В. Н. Кашина).

была в известном смысле предрешена еще до собрания сотрудников ЛОИИ. Во всяком случае, его научная работа начала тормозиться еще в марте 1937 г. В частности, в заявлении В. Н. Кашина говорится: «По плану Археографического сектора на 1937 г. необходимо заметить следующее:

1) Моя фамилия вообще не фигурирует ни в одном месте плана, кроме упоминания о 10 п. л. исследовательской индивидуальной работы.

Между тем, восемь томов проходили и проходят под моим непосредственным руководством. Если таким путем достигается соответствие между моей зар (аботной) платой и объемом работы, от меня требуемой, то надо хоть что-либо объяснить мне. Если же работа, мною подготовленная, в той или иной степени будет приписана кому-либо другому, то это тоже неудобно...»

Далее В. Н. Кашин написал о деталях работы над вторым томом «Крестьянской промышленности», заключив заявление следующими словами: «Я, несмотря на мои и устные и письменные заявления, так и не знаю, как мне быть с комментарием (и введением, если оно окажется необходимым) к 2 тому «Крестьянской промышленности»... я их должен был писать, мне они были давно заказаны, но договор оформлять никто не считал нужным, а теперь и этот вопрос превращается в нескончаемую волокиту».

От 1939 г. сохранились списки личного состава ЛОИИ, позволяющие уточнить установившуюся новую структуру ЛОИИ, то, насколько изменился перед войной состав института по сравнению с тем, каков он был в начале работы ИАИ (т. е. за десять лет), и содержащие данные об окладах сотрудников.⁵⁴

И.о. заведующего отделом С. Н. Валк получал 1200 р., такой же оклад имел старший научный сотрудник Е. В. Тарле. Ученый секретарь У. А. Шустер получал 850 р.; С. А. Жебелев как зав Группой истории Древнего мира — 800 р., И. П. Петрушевский как зав. группой и ст. н. сотрудник — 800 р., Н. Ф. Лавров как зав. архивом и ст. н. сотр. — 800 р., С. А. Аннинский — зав. иностранным отделом Архива и ст. н. сотр. — 800 р.

⁵⁴ СПФ АРАН Ф. 133. Оп. 4 (1939). № 7.

Далее шла группа старших научных сотрудников, получающих оклады от 800 до 600 р.: В. Ю. Гессен, Ю. Н. Перепелкин, Ш. М. Левин, М. П. Вяткин, А. П. Чулошников, С. Я. Лурье, Н. С. Державин, Н. С. Чаев, Р. М. Тонкова, А. И. Молок, В. Г. Гейман, А. В. Предтеченский, А. И. Болтунова, М. В. Левченко, О. Л. Вайнштейн, К. Н. Сербина, М. В. Джервис-Бродский, И. И. Смирнов, Е. Э. Липшиц, Д. П. Каллистов. В этой группе был и зав. музеем — Ф. М. Богоненко.

За ними шли научные сотрудники с окладом 600–400 р.: Х. И. Муратов, М. А. Коростовцев, М. А. Шангин, Е. И. Бочкарева, Н. Г. Богданова, Л. В. Шеншина, В. М. Козаков, М. И. Стеблин-Каменская, И. В. Мешалин, А. И. Васильев, Л. В. Разумовская, Н. Е. Боровкова, Е. Ф. Езерская, В. Н. Алексеева, П. Г. Спирченко — помощник директора по административно-хозяйственной части.

Отчеты за 1940 г. дают дополнительный материал по структуре и составу предвоенного ЛОИИ и позволяют понять, какие планы работ были прерваны войной.⁵⁵

«Группа истории СССР» — название появляется в этом отчете, видимо, взамен бывшего названия «История народов СССР» — отчитывалась следующими работами: И. П. Петрушевский — докторская диссертация «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении», монография «Крестьянство в Монгольском государстве Хулагидов», «статьи для многотомника» (видимо, речь шла об упомянутом выше пятитомнике по истории народов СССР); А. В. Предтеченский (докторская диссертация «Очерки истории внутренней политики первой четверти XIX в.», статьи для многотомника «Общественные движения в начале XIX в.», проспект «Истории русской общественной мысли»; Ш. М. Левин — статьи «для многотомника», для второго издания «вузовского учебника истории СССР»; Н. Ф. Лавров — монография «Московское летописание XVI в.», работа в связи с выпуском «Правды Русской», руководство работой Архива ЛОИИ «до 1 сентября 1940» г.; В. Г. Гейман — предисловие к русскому переводу труда Видекинда «История шведско-московской войны», монография «История русской промышленности XVII в.», доклад

⁵⁵ Там же. Оп. 1. № 1618.

на тему «Шведские источники по истории шведской интервенции начала XVII в.»; Кочаков — статья для «многотомника», главы для вузовского учебника, кандидатская диссертация “Источниковедение русского законодательного акта XIX века”; Е. И. Бочкарева — комментирование исторических карт и географической указатель к переводу труда Видекинда, доклад на пленуме новгородской секции “Борьба псковских меньших людей со шведской интервенцией и Вор Сидорка-Матюшка», работа по Архиву ЛОИИ (с 1 сентября — то есть, очевидно, что Е. И. Бочкарева пришла на заведывание архивом после Н. Ф. Лаврова), секретарь группы Истории СССР; И. В. Мешалин — кандидатская диссертация “Крестьянская текстильная промышленность Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.”,⁵⁶ работа над 10 томом истории СССР; Г. Е. Кочин — доработка комментария к «Правде Русской», монография «Сельская община в XII — XV вв.», сбор материала, кандидатская диссертация на тему “Материалы для терминологического словаря”; А. П. Чулошников — монография “Башкирия в период кантонного управления”; Богданова и М. И. Стеблин-Каменская — работа над 10 томом «Истории СССР»; Н. С. Чаев — монография “Внешняя политика царя Алексея Михайловича” (подбор материалов, переходит на 1941 г.); К. Н. Сербина — монография “Русский город XVI — XVII вв.” (подбор материалов).

«Группа новой истории» состояла из следующих сотрудников: О. Л. Вайнштейн, А. И. Молок, Р. М. Тонкова, Х. И. Муратов (последний работал над диссертацией «Общественно-политические взгляды Али-Суови и его роль в конституционном движении 1865–1878 гг. в Турции»), Л. В. Шеншина, академик Е. В. Тарле.

«Группа византиноведения»: М. В. Левенко, Е. Э. Липшиц, М. В. Шангин.

«Группа славяноведения»: М. В. Джервис-Бродский, У. А. Шустер, Л. В. Разумовская, академик Н. С. Державин.

⁵⁶ Как установил Р. Ш. Ганелин, работа И. В. Мешалина по названию совпала с неизданной работой В. Н. Кашина, поэтому Р. Ш. Ганелин назвал это «ликвидацией научного имени». См.: Ганелин Р. Ш. В. Н. Кашин и его судьба // «Что вы делаете со иной!»... С. 16. И. В. Мешалин погиб в блокаду Ленинграда.

«Группа Древней истории»: А. И. Болтунова, Д. П. Каллистов, С. И. Ковалев («приступил к работе с марта месяца, и с 1 сентября перешел на полставки»), Ю. Я. Перепелкин, М. А. Коростовцев, С. Я. Лурье, академик С. А. Жебелев.

Таким образом, к 1940 г. в отчетах уже нет следа сборников материалов по народам СССР, нет посвященных этому специальных групп, нет Археографического отдела (сектора), Сектора Вспомогательных исторических дисциплин. Вообще, как будто, исчезли «сектора» с группами внутри них. Теперь имелись просто группы — самая большая Группа истории СССР, затем Группа Новой истории, Группа византиноведения, Группа славяноведения, Группа Древней истории.

Однако в этих же документах значатся и «Сектор истории СССР до XIX в.», «Сектор истории СССР XIX — XX вв.», «Сектор истории древнего мира», «Сектор славяноведения», «Сектор истории средних веков», «Сектор истории нового времени».⁵⁷ Создается представление, что названия были еще не твердо установлены.

Вот те предварительные выводы и наблюдения, которые были сделаны мною из обращения к материалам ИАИ и ЛОИИ в фонде СПФ АРАН.

Теперь несколько слов более подробно о трех сотрудниках, вызвавших мой особый интерес, т. к. они были участниками «летописной бригады» и «бригады» по изданию актов. Я полагаю, что было бы возможным подготовить просопографическое исследование по сотрудникам ИАИ и ЛОИИ в целом. Так что предлагаемые ниже очерки — это наброски к такому исследованию. Речь идет о Н. Ф. Лаврове, Г. Л. Гейермансе и В. Г. Геймане.

Личное дело Н. Ф. Лаврова хранится в СПФ АРАН.⁵⁸ Его биография частично изложена мною ранее (см. примеч. 2), но сейчас я располагаю более полными представлениями о его жизни. Н. Ф. Лавров родился 24 ноября 1891 г. в Череповце. Отец Н. Ф. Лаврова был сыном сельского священника, окончил историко-филологический институт в 40 лет (1875–1915) и затем до конца жизни работал учителем истории и географии

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. № 1618. Л. 22.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. № 9 (личное дело); № 43 (трудовой список).

Череповецкого реального училища. Отец умер в 1919 г., мать Н. Ф. — в 1920 г. Н. Ф. Лавров в 1909 г окончил Череповецкое реальное училище (очевидно, то, где преподавал его отец), и после сдачи дополнительного экзамена по латинскому языку (так как это была не классическая гимназия) поступил в Петербургский университет. Занимался в семинаре С. Ф. Платонова и А. Е. Преснякова. Последний дал ему разрабатывать тему Никоновской летописи. Н. Ф. писал в автобиографии: «Специальной темой моих занятий были московские летописи». Сам Пресняков тогда собирался писать работу о московских летописных памятниках XVI в., которая так и не была закончена. Именно Пресняков предложил оставить Н. Ф. на кафедре для подготовки к научной деятельности. Вскоре Н. Ф. женился на слушательнице Бестужевских курсов А. Г. Кислицыной («педагог и училась со мной», как писал он в автобиографии), отец жены был служащим в частном магазине в Самаре. В браке родились две дочери, Евгения и Наталья, и сын Юрий.

Более подробно, чем в автобиографии, обстоятельства учебы Н. Ф. Лаврова отражены в его личном деле (как студента университета).⁵⁹ В частности, мы узнаем, что ему не просто пришлось дополнительно сдавать экзамен по латинскому языку, но и дать обязательство выдержать в течение 1909–1910 г. экзамен по греческому языку. Адрес места жительства Н. Ф. Лаврова в Череповце на момент поступления в университет: Череповец, Новгородская губерния, Покровская ул., дом Крылова. В 1909 г., поступив в университет, он, видимо, не имел средств поселиться в центре города и жил по адресу: село Рыбацкое, Петербургского уезда, дом Григорьева. В 1910 г. он уже имеет адрес: Васильевский остров, 15 линия, д. 74, кв. 84; а в 1911 г. проживает на 12 линии, в д. 65, кв. 102. Также становится ясным, что Н. Ф. Лавров вступил в брак, еще будучи студентом. Сохранилось его прошение на имя ректора от 11 января 1916 г. о разрешении вступить в брак с «Анной Григорьевной Кислицыной, симбирской мещанкой, окончивший Петроградские Высшие женские курсы». Адрес

⁵⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 64387 (Николай Федорович Лавров. Личное дело 1914–1915 уч. года).

Лаврова указан: Васильевский остров, Малый пр., д. 39, кв. 13.⁶⁰ Как видим, поселившись в центре Петербурга, Н. Ф. Лавров уже не выезжал за пределы Васильевского острова.

Имеется выпускное университетское свидетельство Н. Ф. Лаврова от 30 апреля 1916 г. Он числился студентом с июля 1909 г., выбыл в мае 1914 г., а в июле 1914 г. вновь принят. Временное выбытие было связано с материальными трудностями. Сохранилось постановление о том, что Лавров был «уволен из числа студентов Университета, как не внесший плату за весну 1914» г. (плата составляла 26 рублей за полугодие).⁶¹ Что касается военной службы, то Н. Ф. являлся к исполнению воинской повинности 22 июня 1913 г., подлежал «поступлению в постоянные войска», но затем «поступление ему на службу отсрочено до призыва 1918 года с предоставлением отбыть воинскую повинность по жеребью».⁶² Зачетная книжка Н. Ф. Лаврова, заново, видимо, заведенная в 1914 г. (хотя в ней имеются записи с отметками с осени 1909 г.) полна имен лучших ученых того времени.⁶³ Зачетное сочинение писалось у С. Ф. Платонова на тему: «Заметки о Московских летописях XVI века» (оценка «Весьма удовлетворительно»). Философию и методы истории читал А. С. Лаппо-Данилевский; логику, психологию и историю новой философии — известный философ-неокантианец А. И. Введенский; введение в философию (осень 1912 г.) — Н. О. Лосский; русскую историю — С. Ф. Платонов, М. В. Ключков, А. Е. Пресняков; специальный курс «История Московского государства» — А. Е. Пресняков (весна 1911 — весна 1912 г.); историю Рима, историю реформации и просеминар

⁶⁰ Там же. Л. 7. В деле имеются и дополнительные сведения о родителях Н. Ф. Лаврова. Отец — учитель реального училища Федор Федорович Лавров, мать — Евгения Михайловна. Ф. Ф. Лавров как получивший орден св. Владимира 4 степени (1 января 1899 г.) вместе с женою и детьми (Евгенией, Николаем, Елизаветой и Марией) был зачислен в потомственное дворянство. Но поскольку Ф. Ф. Лавров не представил необходимого свидетельства местного губернатора о несудимости и не лишении прав состояния других его детей (очевидно, к тому времени — взрослых Петра, Анны, Симеона и Александры), то последним в потомственном дворянстве было отказано (Там же. Л. 54).

⁶¹ Там же. Л. 39.

⁶² Там же. Л. 9.

⁶³ Там же. Л. 17–29.

по всеобщей истории — Э. Д. Гримм; введение в византинистику — В. Н. Бенешевич; историю русского искусства — Д. В. Айналов; историю Средневековья — И. М. Гревс (он же вел курс «Общественный строй и культура Франции»); введение в языкознание — А. И. Бодуэн де Куртене; историю славян — Ястребов; историю Востока — Тураев; историю Греции — С. А. Жебелев; русскую народную словесность — И. А. Шляпкин. Семинар и просеминарий по русской истории вели С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков; просеминар по всеобщей истории (весной 1913 г.) — Е. В. Тарле.

Но получившему столь блестящее образование Н. Ф. Лаврову не повезло. В момент окончания им университета в 1916 г., когда по предложению С. Ф. Платонова он был оставлен при университете для подготовке к профессорской должности, Россия уже шла к революции. Потом началась гражданская война, и возобновить обучение ему по ряду причин не удалось. Отчасти эти причины можно понять из автобиографии Н. Ф. Лаврова.⁶⁴ Как он сам написал, «будучи в отпуску из университета, летом 1918 г. на родине жены в г. Самаре», он оказался свидетелем выступления чехословацкого корпуса. Затем, как скупно написано в автобиографии, «осенью 1918 г. я переехал в г. Омск, где работал в Книжной палате» научным сотрудником. Причины перемещения в Омск Лавровым не раскрываются. Но видно, что даты совпадают с историей Комуча. Возможно, как многие интеллигенты, Н. Ф. сочувствовал антибольшевистской стороне, не хотел оставаться с красными. Летом 1918 г. Комуч возник в Самаре, а осенью 1918 г. произошло уже создание Омского правительства. Возможно, скороговорка в автобиографии по этому поводу не случайна. После поражения Колчака («по освобождении Сибири от белых») Н. Ф. вернулся в Самару. Узнав о неустроенности Лаврова в 1920 г., один из его университетских товарищей, С. Н. Чернов, в 1920 г. хлопотал об устройстве его в Губархиве, писал об этом А. А. Гераклитову.⁶⁵ В 1920 г. Лавров работал в Самаре в губернском архивном бюро научным сотрудником, затем с 1921 г. в Москве в Центрархиве.

⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 3. № 99.

⁶⁵ *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006. С. 135.

С 1924 он уже в Ленинградском отделении Центрархива, назначен архивистом 3-го отделения юридической секции ЛО Центрархива. В 1925 г. — член разборочной комиссии. В 1926 г. переведен для работы в Ленинградский губархив (бюро) инструктором, затем здесь же он работал сначала инспектором, потом научным сотрудником. В 1930 г. уволен из штатов ЛЦИО (причина не указана). В 1932 г. — взят на работу редактором в Ленинградское областное архивное управление. В 1933 г. Лавров обязуется редактировать по плану ИАИ статью В. О. Ключевского о летописях. Адрес Лаврова тогда: ул. Теряева, 21, кв. 22: Н. Ф. Лавров сменил Васильевский остров на Петроградскую сторону.

Н. Ф. Лаврову помогли старые связи с С. Ф. Платоновым. Последний еще в конце 1920-х гг. упоминал Н. Ф. Лаврова среди лучших «старых кадров», которые он хотел сосредоточить в Архиве Академии наук.⁶⁶ В 1934 г. Лавров был освобожден от должности в архивном управлении в связи с переходом на работу в Академию наук (зачислен в ИАИ). Судя по сохранившейся планкарте на 1938–1939 гг., Н. Ф. Лавров был сотрудником Историко-Археографического института с 1933 г. (тут есть некоторые расхождения с данными автобиографии).⁶⁷ Сотрудником ЛОИИ Н. Ф. Лавров оставался до смерти в блокаду Ленинграда в январе 1942 г.⁶⁸

В личном деле сохранилась запись о причинах перехода Н. Ф. Лаврова на работу в ИАИ. Он писал: «Основным мотивом поступления моего в Институт было желание принять участие в возобновившейся работе по изданию древних памятников русской истории, в частности, летописей». Письмо зам. директора ИАИ Б. Д. Грекова и секретаря И. М. Троцкого с просьбой об освобождении Н. Ф. Лаврова от работы в Областном архиве включает следующее обоснование: «Тов. Лавров по своей научной квалификации является ученым специалистом в области истории

⁶⁶ Там же. С. 257.

⁶⁷ См. материалы, хранящиеся в СПб филиале Архива РАН: Ф. 133. Оп. 1. № 1557. Л. 151, 277; № 1573. Л. 96.

⁶⁸ Алтатова В. Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда. (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 246.

древней России и, в особенности, в области древнерусского летописания. В настоящее время Историко-Архивный институт приступает к изданию древнерусских летописных памятников по истории народов СССР. Работа эта имеет срочный характер в связи с постановлением правительства об исторической работе Академии наук СССР. Привлечение тов. Лаврова к этой работе крайне необходимо, т. к. в настоящее время в Ленинграде специалистов в области летописания не имеется».

Итак, Н. Ф. Лавров оказался в составе ИАИ в тот момент, когда М. Д. Приселков еще не вернулся из ссылки, а А. Е. Пресняков уже умер. Получалось, что, действительно, специалистов по истории летописания, кроме Н. Ф. Лаврова, не было. И еще, материалы личного дела Лаврова подтверждают, что работа по изданию летописей планировалась в ИАИ уже в 1934 г. и уже затем перешла в ЛОИИ «по наследству».

Тем не менее, до 1936 г. эта идея не была оформлена организационно. Но сразу же при создании ЛОИИ там организуется группа (по терминологии того времени она именовалась «бригадой») по изданию летописей, которую возглавил Н. Ф. Лавров. Однако она просуществовала всего год и была, видимо, распущена, а сам план издания летописей на новой основе, предложенной членами группы, похоронен.

Такая же «бригада» в составе ЛОИИ была сформирована и для нового издания древнерусских актов. Основная часть сотрудников обеих «бригад» находилась в Ленинграде. В их состав входили: А. И. Андреев, С. Н. Валк, А. И. Васильев, В. Г. Гейман, В. А. Забиров, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров, Р. Б. Мюллер, М. Д. Приселков, К. Н. Сербина, И. М. Троцкий, Н. С. Чаев, Г. Л. Гейерманс. О том, что М. Д. Приселков был автором нового плана издания русских летописей, которое должно было быть построено на других принципах, чем старое ПСРЛ, уже писал С. Н. Валк.⁶⁹ План томов нового издания был С. Н. Валком опубликован в примечании. Но при этом С. Н. Валк не отметил, что этот план был составлен по заданию бригады по изданию летописей, обсуждался коллективом бригады и был связан с реально намечавшейся

⁶⁹ См.: Валк С. Н. Советская археография. С. 139–141.